

Назанский Василий Нилыч

Своего рода двойник главного героя повести А.И. Куприна «Поединок» подпоручика Ромашова. Как и Ромашов, он держится особняком от полковой жизни. Как и Ромашов, влюблен в Шурочку Николаеву. Шурочка говорит, что она «эдаких людей стреляла бы как бешеных собак», что он «позор для полка, мерзость». В начале повести Назанский решает на месяц уйти в отпуск со службы. В полку все думают, что у него очередной запой, но сам Назанский в разговоре с Ромашовым называет это шагом к свободе. Назанский ненавидит военную службу, питает склонность к «философским рассуждениям», причем в эти минуты совершенно преображается: «Никогда еще лицо Назанского <...> не казалось Ромашову таким красивым и интересным <...> вся его массивная и изящная голова <...> была похожа на голову <...> греческих героев или мудрецов». В любви Назанский видит «засаду с приманкой и петлей на шее», хотя считает, что у любви есть «свои вершины, доступные лишь единицам из миллионов». К ним Назанский причисляет себя. В юности он мечтал влюбиться в недостижимую, необыкновенную женщину, наняться к ней лакеем, чтобы раз в жизни прикоснуться к ее платью. Не называя имени Шурочки, Назанский рассказывает Ромашову историю своей любви. Он как бы предупреждает Ромашова о грядущей ему опасности, видя, что в Шурочке живут сразу «два человека: один — с сухим, эгоистичным умом, другой — с нежным и страстным сердцем». Во второй раз Назанский и Ромашов встречаются перед дуэлью. Назанский доказывает, что отказ от дуэли был бы более смелым поступком, чем согласие на нее. Назанский уговаривает Ромашова уйти в отставку, так как служба в уродует даже лучших людей, видит в душе Ромашова «какой-то внутренний свет», который погасят в «берлоге», то есть в полку. Ромашов чувствует в Назанском сумасшествие, передающееся «волнами ужаса» ему самому.